

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

2 августа 1988 г.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

ИСКРЕННЕ ВАШ...

Все, кто знает Леонида Филатова давно, никогда не воспринимают его как героическую личность. Есть актеры, совпадающие со своими персонажами: комики всю жизнь подшучивают над собой и окружающими, герои с честью, но и с очевидным трудом несут вериги героизма своих сыгранных и несыгранных персонажей. Но иногда комики грустны, а герои экрана — нескладные, милые недотепы.

Филатов — не герой. Смешливый и саркастичный, обидчивый и ядовитый, он всегда разный и всегда одинаковый. В нем есть черта, которая просвечивает через все занавесочки мудрых пауз или почти беспричинного хохота, — он человек безмерно искренний.

Он никогда не скучает ни с одним человеком. Этот человек ему искренне интересен, он искренне его слушает, а еще более искренне сообщает ему нечто такое, что знает один только он и что непременно очень понадобится его собеседнику. Он искренен в своих проявлениях и не умеет скрывать своего редчайшего дара. В век глобальных тайн, когда некоторые его коллеги создали себе «имидж» мыслящих, овладев ремеслом шифрования пустоты, Филатов поражает безбоязненной открытостью и яростным нежеланием создавать туманный автопортрет.

Его долго не замечали. Он уже много и успешно играл в Театре на Таганке, писал пьесы для телевидения и сам в них снимался, на том же ТВ играл Швабрина, Ярового, появился на большом экране в главной роли, но для прессы он был неинтересен. Заметили и затрубили после фильма «Экипаж». Роль летчика, в котором наэпическое «плейбойство» миглом исчезает в экстремальной ситуации и обнаруживается человек, готовый к подвигу, стала как бы визитной карточкой восходящей звезды Леонида Филатова.

И невозможно было объяснить, что этому скромнейшему однолюбю прямо противоположен характер «экипажного» Дон Жуана. Его прежние работы — и Пушкин на сцене (причем Пушкин-философ), и Петров в фильме «Иванцов, Петров, Сидоров» — ученый-подвижник и праведник — ближе актеру, соответствуют его душе, его моральным критериям. Но нет... Он появлялся на встречах со зрителями, и зал понимающе шушукался, а девочки улыбались с надеждой...

Филатову в его актерской жизни частенько предлагают «генеральские» роли. Сказать, что он от всех такого рода предложений отказался значит, соврать. Но вопрос о том, что «такая роль» может повредить работе с его друзьями, никогда даже не возникал. Казалось бы, подумаешь — какая добродетель! Однако его кинематографическая судьба весьма драматична. Наши совместные работы становились испы-

танием воли: после каждой из картин мы ждали — не похвалы, нет, — разбора, анализа. Но его не следовало.

Нас хвалили. Иногда рецензии были объемисты и подробны, но в них не было ни единого слова о том, как замысел понят, как актер его воплотил (или не воплотил)!

Нас ругали. Но тоже походя и как бы не нас, а какую-то чужую структуру, в которой и критик разбирается неважно, да и создатели имеют к ней слабое отношение.

Но зритель выбирает своих героев и о них говорит подробно и доказательно.

Долгая и плодотворная дружба Филатова с Константином Ершовым складывалась тоже непросто. Фильм «Женщины шутят всерьез» ругали не шутя. Да, не шедевр. Но не заметили замечательной актерской природы, свободного, раскованного образа мышления на экране, эмоциональной неординарности рассказа... И самое главное, не заметили поразительного совпадения темпераментов двух художников: режиссера и актера.

Когда Филатов сказал, что Ершов пригласил его на фильм «Грачи», я начал отговаривать. Мои аргументы были просты: детектив — не самый удачный жанр для их содружества.

Ошибка моя стала очевидна скоро: фильм состоялся, и опасения человека, забывшего о родстве душ и едином темпераменте двух его создателей, были разрушены.

Наверное, в кино есть острый дефицит обратной связи. Картина, выйдя из монтажной, блещит и мелькает, шумит и скрежещет уже без участия создателей. Поэтому они так завороченно ожидают, чтобы от экрана вернулась хоть малая искра. Критик или погасит ее, или трансформирует в ток. Пусть тряхнет, но он рожден тобой, он пропущен через живые души, он всколыхнул их!

Давать советы — дело неблагоприятное...

Предложение от режиссера Ильи Авербаха сыграть роль его коллеги в фильме «Голос» Филатов принял странно прохладно.

Я убеждал, как только мог, прогнозируя замечательную картину из нашей киножизни, о которой никто еще серьезно не говорил, и вот наконец будет сказано. Мои увещевания, может быть, как-то подействовали, но мне кажется, что встреча с самим режиссером, рассказ об идее фильма, сама тональность разговора и круг тем, которых касались будущие соратники, решили все само собой...

Картина снималась тяжело... Филатов приежал измученный долгими репетициями, которые давали, как ему казалось, весьма скромный результат.

Снова ехал в Ленинград и снова возвращался мрачнее тучи.

Очевидно, и Илья Авербах был также мрачен и недоволен. Они совпали. Анализатор и академик Авербах не мог, наверное, поверить, что этот молодой, вечно взъерошенный артист способен импровизировать легко и вдохновенно. Но импровизировать!

Совсем недавно один режиссер, поначалу недовольный тем, как снимается у него в картине Филатов, встретил меня месяц спустя после начала съемок и радостно сообщил: «Я понял, как его надо снимать: ему не надо мешать, он все сам сделает!»

Но это не так. Иногда надо мешать, мешать сниматься в различных исторических или современных изложениях арифметических паскалей на тему $2 \times 2 = 4$. Его особый способ существования таким картинам не нужен, и он превращается в ординарного исполнителя, который сливается с общим фоном. Как жаль, что зачастую этот «общий фон» состоит из людей не менее одаренных.

Древний князь или политический интриган — все они не просто проходные персонажи в послужном списке артиста, они отняли у артиста время, творческую энергию.

Сниматься в изначально «проходных» лентах так же плохо, как читать пустую литературу: и то, и другое выбивает дыру в твоей экологической нише, потому что ниша эта — вещь хрупкая.

Содружество с Сергеем Соловьевым в длинной и сложной картине «Избранные» принесло, на мой взгляд, новое качество артисту Филатову. Он впервые с экрана (впервые для себя) говорил во весь голос как гражданин, как личность.

В истории становления конформиста было очень важно не просто показать этапы этой метаморфозы, но и рассказать о внутренней борьбе, сопротивлении личности, которой являлся герой. В этом была драматургия, напряжение фильма: душа сопротивлялась, не желала опустошаться, ей был ведом этот противостественный процесс, а ситуация иссушала и перекраивала ее по-своему.

Филатов с Соловьевым сделали фильм исповедальный и пророческий: незаурядность личности и есть защита от коррозии. Очевидно,

необходим щит, нужна броня. Из чего они? Из чистой любви? Из кипучей деятельности? А может быть, из высокой духовности?

Он замечательный комедийный актер, дар которого еще не реализован. В фильме Э. Рязанова «Забывшая мелодия для флейты» он понадобился режиссеру как личность мрачноватая (может быть, только на время, отпущенное на фильм), начинающая себя сознавать и раскрываться. И, конечно, жаль, что актеру, играющему героя, который забыл мелодию, не удастся сразиться с замечательными актерами, которые играют людей, отлично помнящих свои незатейливые мелодии.

Линия Филатов — Догилева благородна и серьезна. И нет места, где бы герой Филатова мог сойтись с упырями из «заведения» на их поле — поле откровенного юмора.

Есть в этом человеке еще одно качество, которое, на мой взгляд, стало содержанием и смыслом нашей картины «С вечера до полудня». В пьесе В. Розова существовал бывший спортсмен, бывший муж и нынешний неудачник. Он истово воспитывал сына, вкладывал в него все, что у него было и что не состоялось, растил человека. Но вот появлялась его бывшая жена — мать его сына, звала ребенка с собой, и тот уезжал с матерью. Но в пьесе была тайна. Ким (так звали героя) отпускал своего любимого, единственного сына потому, что искренне считал, что ему с матерью будет лучше, или же был так влюблен в свою бывшую жену, что на алтарь этой любви бросал даже свое чадо? Сколько разговоров мы пересказывали и с Виктором Сергеевичем, и с Леонидом! И то, что потом появилось на экране, было, мне кажется, довольно сложным сочетанием этих двух возможностей. Главное же было в том, что эта ситуация была наповал: с сыном расставался добрейший человек.

Но это была не краска, придуманная режиссером и сыгранная актером. Это было существо исполнителя.

Я знаю, что для Филатова пока любимая роль — это Фетисов из «Успеха». Мне трудно рассказывать об этой картине... Она делалась по каким-то неведомым нам законам. Может быть, потому, что Филатов играл режиссера, и я отдал ему все, что накопил в жизни и в этой профессии. Может быть, потому, что это отдаленный актер и Анатолий Гребнев превратили в слабость героя. А силу он обрел в своем исполняющем желании «стать», «состояться».

Во всяком случае я благодарю судьбу, которая вела нас к этой картине и не оставила до конца.

Скажу лишь об одном качестве, которое здесь преобладало у Филатова. Это — его умение играть истощающе. Умение не просто выкладываться до предела, а способность проецировать себя самого на персонаж, заставляя его двигаться и жить напряжением собственной души и воли.

Это — умение художника, возведенное в степень личностной значительности и внутренней свободы — гаранты удивительных открытий, свидетелями которых мы еще будем.

Константин ХУДЯКОВ.

● Леонид Филатов.

Фото Б. Кремера.